

Даже когда занятие закончилось, Цзян Нин так и не смог заставить себя выпустить руку Лу Чжиханя. Улегшись в постель, он невольно прокручивал это в голове.

«Он ведь тоже ко мне равнодушен, правда? Иначе с чего бы ему держать меня за руку и относиться со всем этим особым теплом?»

Тихая, робкая радость захлестнула его с новой силой. На предстоящих промежуточных экзаменах нужно выложиться на максимум — пусть Лу Чжихань увидит, что он вовсе не безнадёжен.

Четверг и пятница пролетели в напряжении контрольных. Вернувшись домой с бланками, Цзян Нин первым делом сверил ответы, выписал в тетрадь всё, в чём сомнения взяли верх, и примерно посчитал итоговый балл.

Если обойдётся без сюрпризов, результат окажется на порядок выше прежнего.

Но свои слабые места он знал отлично: с базовыми заданиями справлялся без труда, а вот на задачах повышенной сложности регулярно пасовал — темнело в глазах от тупика. А ведь именно такие вопросы решали всё и разводили участников по разным категориям.

Он замер напротив книжного стеллажа, разглядывая испещрённые пометками сборники упражнений. Даже не верилось, что за столь короткий срок он успел измарать столько бумаги.

Цзян Нин достал телефон и черкнул Чжао Цзыцяню.

[Цзян Нин: Есть на примете толковые пособия или задачники? Чем сложнее, тем лучше.]

[Чжао Цзыцянь: О, полно!]

[Чжао Цзыцянь: Нам репетиторы из центра целую кипу посоветовали. Я себе всё выкупил, там полно олимпиадных заданий.]

[Цзян Нин: Понял, спасибо.]

В выходные он выкроил время и отправился в тот самый книжный магазин, где уже бывал однажды.

Пожалуй, впервые в жизни он переступил этот порог по собственному желанию. Напряжение и чувство чужеродности, преследовавшие его в прошлый раз, испарились: теперь им двигала чёткая цель, и на чужие взгляды ему было совершенно плевать.

Он быстро нашел почти всё из списка. Оставалась последняя брошюра, и Цзян Нин уже развернулся, чтобы окликнуть консультанта, как сзади раздалось:

— Цзян Нин.

Неподалеку стоял Цзян Цзяюй, с нескрываемым изумлением разглядывая стопку в его руках.

— Ты тоже за книгами? — Вглядевшись в названия, он качнул головой: — Эти сборники слишком сложные. Вряд ли они тебе подойдут.

Цзян Нин даже отвечать не стал. Сверившись со списком в телефоне, он продолжил скользить взглядом по полкам.

Цзян Цзяюй подошел ближе:

— После того как отец не смог тебя вернуть, он пытался подослать меня. Я отказался. Понимал же, что ты не вернешься.

Цзян Нин даже не удостоил его взглядом. Коли понимаешь, к чему тогда этот спектакль?

— Тот задачник, что ты ищешь, вот здесь, — Цзян Цзяюй вытянул с нижней полки нужный том и прихватил еще несколько. — Начни с этих. Поможет плавно перейти к олимпиадным.

Когда он протягивал книги, рукав рубашки задрался, обнажив на предплечье багрово-синие кровоподтеки.

Цзян Нин сдвинул брови. Без лишних слов он бесцеремонно задрал рукав брата выше — под тканью скрывалась россыпь следов, знакомых до тошноты. Он прекрасно знал, чем именно оставляет подобные отметины их дорогой папаша.

— Пришел ко мне выжимать жалость?

Цзян Цзяюй молча спрятал руку:

— Нет. Я знаю, что с тобой это не работает.

И был прав. Цзян Нин не собирался жалеть его, но и добивать лежачего не стал бы. Забрав из его пальцев пособия, он прошёл мимо, бросив сквозь зубы:

— Ты не обязан ни перед кем выслуживаться.

Оплатив покупки на кассе, он вернулся на виллу.

Обычно в этот час Лу Чжиханю проводили процедуру физиотерапии. Прихватив задачник, Цзян Нин спустился в массажный кабинет.

— Господин Лу, этот специалист у нас впервые, не судите строго, если что не так.

Цзян Нин устроился в кресле в углу, наблюдая, как робкий реабилитолог несмело выполняет гимнастику для мышц. Чем сильнее тот нервничал, тем более зажатыми становились его движения.

Даже Цзян Нин, ни разу не медик, видел: половина упражнений выполняется спустя рукава.

Он нахмурился.

Когда процедура закончилась и персонал удалился, Цзян Нин отложил ручку:

— Этот реабилитолог никуда не годится.

— Заметил?

— Угу, — Цзян Нин поднялся и небрежно опустился на край кушетки: — Мастер Цзян сегодня впервые выходит на смену. Босс Лу, окажете честь?

С этими словами он ладонью охватил лодыжку Лу Чжиханя.

Лу Чжихань застыл, не доглядив складку на брюках, и с сомнением переспросил:

— Справишься?

— Я каждую неделю сижу тут и смотрю. Да я с закрытыми глазами повторю!

Цзян Нин бережно задрал широкую штанину. Нога Лу Чжиханя оказалась тонкой и бледной; из-за того что кожа годами не видела солнца, сквозь неё просвечивала синеватая сеточка вен.

Чуть сжав пальцы, он легко приподнял её — невесомую, абсолютно не оказывающую сопротивления.

Лу Чжихань откинулся на изголовье, позволяя делать с собой что угодно. Дыхание его стало чуть глубже привычного.

Врачи всегда вели себя предельно подчеркнуто и строго, работая только в стерильных перчатках.

Лу Чжихань следил взглядом за тем, как на предплечье юноши от напряжения натягиваются жилы. Его ноги практически полностью утратили чувствительность к теплу и холоду, но сейчас казалось, будто сквозь онемение пробивается живой жар ладони Цзян Нина — такой же уверенный и горячий, как и тогда, когда они держались за руки.

Закончив весь комплекс растяжек по памяти, Цзян Нин почувствовал, как зажглись уши. Нагрузка-то смешная, а сердце почему-то заколотилось как бешеное.

Гоня прочь незваные мысли, он аккуратно опустил ногу Лу Чжиханя и расправил задравшуюся штанину.

В тишине комнаты раздался слегка охрипший голос Лу Чжиханя — будто тот долго не решался произнести эти слова:

— Сегодня вечером состоится один прием. Ты не против поехать со мной?

Цзян Нин замешкался, искренне удивившись:

— Со мной?

— С тобой.

Одетый в идеально скроенный костюм, доставленный по распоряжению Лу Чжиханя, Цзян Нин поправлял перед зеркалом воротник, пытаясь вспомнить, когда в последний раз выходил в свет в таком виде.

Прежде его брали на подобные сборища исключительно для количества, и никому до него не было дела.

Сейчас же, едва они переступили порог банкетного зала, на них скрестились десятки взглядов — цепких, любопытных, недоумевающих. Гости явно пытливо гадали, откуда взялся этот юноша.

— Господин Лу, сколько лет, сколько зим!

Толпа бизнесменов немедленно обступила их. Лица казались Цзян Нину знакомыми: когда-то он видел, как его отчим Цзян Хунчжи из кожи вон лез, чтобы умаслить этих воротил. Теперь же роли поменялись — спесивые господа лебезили перед Лу Чжиханем, натянув подобострастные мины.

Присутствующие то и дело бросали на Цзян Нина значащие взгляды, но парню было плевать. Его заботило только одно — быть рядом с Лу Чжиханем, поэтому весь свой пыл он направил на дегустацию содержимого фруктовой вазы.

Окружающие сторали от желания выведать подробности, но спросить напрямую никто не решался, и в уме каждый строил свои догадки о природе их связи.

Ровно до тех пор, пока Лу Чжихань не поднял бокал. Цзян Нин тут же скосил на него взгляд и недовольно прищурился:

— Тебе разве можно алкоголь?

У стоящих рядом сердце ушло в пятки: никто отродясь не позволял себе говорить с президентом Лу в таком тоне.

Однако Лу Чжихань даже взглядом не выразил недовольства. Напротив, он кротко пояснил:

— Это не вино, а чай.

— Да ну? — Цзян Нин с привычной бесцеремонностью подался ближе и понюхал бокал. В самом деле, пахло лишь легким травяным ароматом. — Всё равно много не пей, а то опять полночи глаз не сомкнёшь.

— Хорошо.

Гости переглянулись, и градус уважения к юноше мгновенно возрос.

В этот момент к ним подошел высокий светловолосый мужчина с голубыми глазами:

— Чжихань! Не ожидал видеть тебя на моем приветственном вечере!

Лу Чжихань ответил вежливой улыбкой:

— Ты прислал приглашение, как я мог отказать?

Джеффри перевёл взгляд на стоящего рядом юношу:

— А это кто?

На взгляд иностранца, Цзян Нин был весьма хорош собой, но выглядел слишком юным и

незрелым. За улыбкой Джеффри проскользнула едва уловимая надменность: едва ли солидный Лу Чжихань мог всерьёз увлечься подобным мальчишкой.

Под этим оценивающим, недоброжелательным взглядом Цзян Нин и не думал смущаться. Он дерзко вскинул подбородок, встречая чужой вызов. Ни выправкой, ни осанкой он не уступал иностранцу, излучая ту особую гордость, что присуща лишь юности.

— Мой жених, — спокойно произнес Лу Чжихань.

— Что?!

Присутствующие так и замерли. Цзян Нин и сам обомлел: он-то рассчитывал, что его представят младшим родственником или в крайнем случае другом.

Джеффри от изумления даже перешел на родной язык:

— Твой отец ничего не говорил о женихе! К тому же этот мальчик не выглядит надежным парнем. Господин Лу, вам стоит пересмотреть решение!

Цзян Нин насупился. Вот ведь самонадеянный индюк!

Лу Чжихань чеканно отрезал по-английски:

— Я не нуждаюсь в ваших советах о том, как мне жить.

В машине по дороге домой Цзян Нин чувствовал себя так, будто хмелел без вина — хотя за весь вечер не пригубил и капли.

Он ведь всё понял. Каждое слово.

Расстегнув верхнюю пуговицу рубашки, он нащупал в полумраке руку Лу Чжиханя и сжал ее с особенной, небывалой силой.

Словно прочитав его мысли, Лу Чжихань заговорил первым:

— Ты не против, что я так назвал тебя при всех?

— Не против... — тихо отозвался Цзян Нин.

Напротив, внутри у него всё полыхало от счастья. Слово «жених» — это вам не банальное

«друг». За ним стояло нечто сокровенное, неразрывное, принадлежащее только им двоим.

— Цзян Нин.

Шепот рассеял туман в его голове. Он повернулся и потонул в глубоких, темных глазах, смотревших на него с пристальным нежным вниманием.

Взгляд скользнул по утонченным чертам лица к плотно сжатым губам — бледноватым, чуть тронутым болезненной белизною.

Цзян Нин замер, чувствуя, как тяжело перекатился сухой комок в горле.

Мысль, давно подбиравшаяся к самому сердцу, вырвалась наружу, заглушая оглушительный стук пульса:

— Можно тебя поцеловать?

Вопрос прозвучал по-юношески прямо и дерзко, вспыхнув чистым, упрямым пламенем.

Он так долго ждал этого. Но теперь, стоит шагнуть за черту, дыхание перехватывало от трепета — слишком уж драгоценным казался этот момент.

Лу Чжихань едва ощутимо кивнул:

— М-хм...

И в ту же секунду к его губам с жарким нетерпением прижались чужие.

Коснувшись этих чуть прохладных губ, Цзян Нин, совершенно не умеющий целоваться, действовал на одном инстинкте — прижимался, сминал, неловко и жадно ластился.

В тишине салона раздался едва слышный влажный звук.

Горячее дыхание обожгло кожу. Цзян Нин уловил тонкий привкус терпкого чая и, окончательно потеряв голову, стал требовать большего, словно хмелел с каждым новым мгновением.

Лишь когда автомобиль плавно замер у крыльца, Цзян Нин отстранился, вернувшись на свое место. Проведя языком по собственным губам, он не сводил глаз с Лу Чжиханя.

В тусклом свете фонарей бескровные прежде губы казались ярко-алыми, влажно блестящими и слегка припухшими.

В глубине глаз Лу Чжиханя замерло редкое, почти детское замешательство; влажный блеск придавал ему такой вид, будто его только что обидели, а он изо всех сил сдерживает слезы.

Им потребовалось немало времени, чтобы перевести дух, прежде чем выйти из машины.

У дверей своей спальни Цзян Нин замешкался. Наклонившись к Лу Чжиханю и оперевшись руками о подлокотники кресла, он на мгновение прильнул к уголку его губ, а затем быстро ушел к себе и запер дверь.

Глубоко дыша, юноша наматывал круги по комнате, не в силах сдержать улыбку и то и дело касаясь пальцами собственных губ.

Невероятное, ни на что не похожее чувство.

Совсем не то что держать за руку. Только что все его тело будто окатило током, а весь остальной мир съехался до них двоих.

Цзян Нин взглянул в зеркало: щеки пылали, а на губах застыла глуповатая, счастливая ухмылка.

Он молниеносно принял душ, уселся за стол и стал гипнотизировать часы. Ровно в назначенное время раздался тихий стук.

Цзян Нин мгновенно сбегал открыть.

Волосы Лу Чжиханя сохраняли влажный блеск после купания, а на губах всё еще алели сочные следы поцелуя. На нем была любимая шелковая пижама шампанского оттенка; глубокий вырез открывал изящные линии ключиц.

Хотя Цзян Нин видел этот комплект сотню раз, сегодня он выглядел как-то по-особенному притягательно. Юноша пожирал его взглядом, и всё в Лу Чжихане казалось ему невыразимо прекрасным.

Лу Чжихань смущенно опустил глаза:

— Принес контрольные?

— Ага.

Цзян Нин отступил, пропуская его, и достал со стола бланки вместе с тетрадью, где уже разобрал все ошибки.

Пока Лу Чжихань изучал записи, взгляд Цзян Нина самовольно прикипел к его профилю.

Стоило Лу Чжиханю поднять голову, как их взгляды столкнулись — и в воздухе вспыхнула искра. Старший легким покашливанием отвел глаза:

— Сначала разберем ошибки.

— А, да, давай.

Лу Чжихань подробно разоблачил с ним каждое задание, а потом задумчиво произнес:

— Старые пособия ты, должно быть, уже прошел? Я собирался заказать для тебя новую партию.

— А я уже купил, — Цзян Нин снял со стеллажа увесистую стопку.

Лу Чжихань удивился: он отлично помнил, с какой неохотой парень когда-то переступал порог книжного.

— Сам съездил?

— Ну а кто же?

Пролистав пару томов, Лу Чжихань кивнул:

— Что ж, тогда занимайся по ним. Время позднее, мне пора.

— А... Ну, доброй ночи?

— Доброй ночи.

Когда дверь за ним закрылась, Цзян Нин повалился на кровать. День казался бесконечно долгим, и стоит прикрыть глаза, как перед мысленным взором вставали недавние картины.

Указательный палец снова коснулся губ, а на лице расплылась счастливая улыбка.

Утром он спустился к завтраку.

Лу Чжихань восседал на своем привычном месте, будто ничего и не произошло.

Но Цзян Нин не стал садиться напротив, как делал всегда: он подхватил стул и придвинул его вплотную к Лу Чжиханю.

Тот благосклонно позволил ему эту дерзость и пододвинул пиалу с кашей, которую уже успел остудить специально для юноши.

— Ой, — тётя Ван всплеснула руками, увидав их плечом к плечу. — Не тесновато вам так сидеть?

— В самый раз! — усмехнулся Цзян Нин. — Люблю, когда поплотнее, так веселее.

Закончив с трапезой, он подхватил рюкзак и прыгнул в авто.

Салон встретил его знакомым уютом — именно здесь вчера вечером всё и случилось.

На улице едва рассветало, прохожих и машин встречалось немного.

В отсутствие ночной темноты, прятавшей смущение, Цзян Нин долго не находил себе места. Лишь когда машина подкатила к школе, Лу Чжихань мягко позвал:

— Цзян Нин.

Сердце ёкнуло. Он обернулся.

Едва ощутимый поцелуй коснулся его щеки. Лу Чжихань легко погладил его по макушке, будто предтренний ветерок:

— Слушай учителей внимательно.

Цзян Нин судорожно сглотнул:

— Понял.

Он вышел из машины и до самого класса дошел как во сне, придя в себя лишь с первым звонком на урок.

Результаты промежуточных экзаменов раздали на вечерней самоподготовке.

Разглядывая итоговые баллы, Цзян Нин размышлял, какую бы награду вытребовать у Лу Чжиханя. Что-то вроде вчерашнего его вполне устроило бы.

На перемене его окликнули.

Не подозревая подвоха, Цзян Нин вышел в коридор. У задней двери стояла незнакомая старшеклассница.

— Цзян Нин... — Девушка несмело протянула ему подарочный пакет: — Это тебе. Ты мне очень нравишься, я слежу за тобой еще со спортивных соревнований!

Лишь потому, что на школьном форуме все судачили, будто Цзян Нин в последнее время сменил гнев на милость, она решилась на этот шаг.

— Извини, но...

Услышав это «извини», девушка уже приготовилась услышать заезженную пластинку. Цзян Нин обычно отшивал всех фразой: «Любовь лишь мешает моей учебе».

И всё же, пока он оставался один, желающие испытать судьбу не переводились.

Однако на этот раз Цзян Нин произнес:

— Извини, но у меня уже есть кое-кто на уме.

Девушка замерла в оцепенении. Пстой-ка... Ей не послышалось?

— Ты сказал... — переспросила она, — у тебя кто-то есть?

— Да. Человек, которого я люблю.

При этих словах привычная суровость парня испарилась, уступив место удивительной, мягкой нежности, ярко отпечатавшейся на его лице.

— Из-извини за беспокойство! — пискнула она и умчалась.

Кто бы мог подумать, что безумные слухи с форума окажутся правдой!

В тот же вечер на школьном форуме вспыхнула свежая тема:

[Цзян Нин влюбился! Кто со мной плакать над разбитым сердцем?]

[???? Правда?! Откуда инфа? Не врите, а то я реально зарыдаю!]

[Цзян Нин сам лично признался...]

[Не верю! Он ни с кем толком не общается, откуда взяться пассии?]

[Народ, а вдруг он пока безответно сохнет по кому-то?]

Слухи бурлили в Первой средней школе Линьцзяна не один день, пока не докатились до классного руководителя Сю Гошэна — старого сухаря и педанта.

Он вызвал Цзян Нина в учительскую.

— В последнее время твои успехи заметно выросли, — начал Сю Гошэн. — Но расслабляться рано. И уж тем более нельзя отвлекаться на то, что под запретом.

— Старина Сю, я уже бросил курить.

— Я не про сигареты, — учитель кашлянул. — Поговаривают, ты завел роман? В твоём возрасте увлечения — дело естественное, однако учеба должна оставаться на первом месте. Не позволяй чувствам мешать делу.

— А они и не мешают.

Видя, что парень уперся, Сю Гошэн смягчил тон:

— Ладно. Скажи, из какого она класса и как ее зовут? Обещаю, устраивать разнос я не стану.

<http://bllate.org/book/19724/1944757>